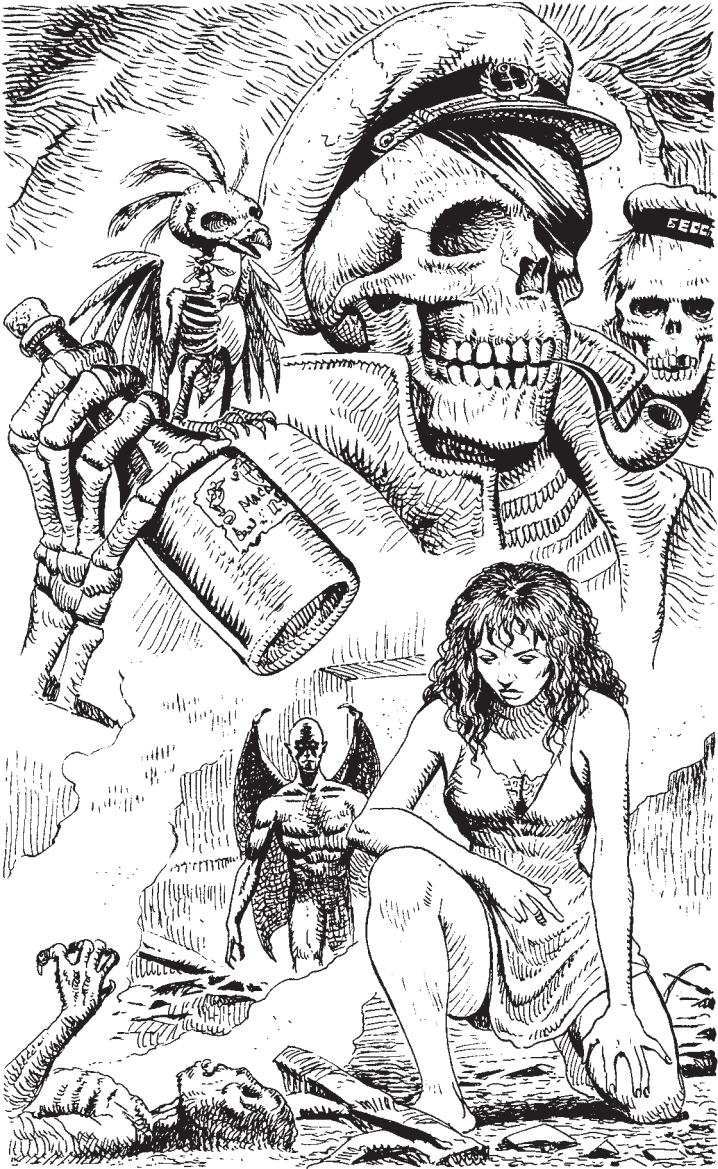

Надежда Первухина

ИМЯ ДЛЯ ВЕДЬМЫ
ВСЕ ВЕДЬМЫ ДЕЛАЮТ ЭТО!
ОТ ВЕДЬМЫ СЛЫШУ!

Надежда Первухина

От ведьмы слышу!

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

 Москва, 2013
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П26

Рисунок на переплете
Л. Клепаковой

Иллюстрации
И. Воронина

Первухина Н. В.
П26 От ведьмы слышу!: Роман. — М.: «Издательство АЛЬ-
ФА-КНИГА», 2013. — 345 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1341-6

Что делать, если подростки дочери влюбились в одного и того же... вампира?! И при этом одна из дочек оказалась скороспелой и весьма способной ведьмой (гены сказались). Как быть, если десятилетний тихоня-сынок вдруг решил заделаться капитаном «Летучего Голландца» и отправиться на легендарном корабле в кругосветку?! А отцу семейства некогда решать проблемы своих детей, поскольку он писатель с мировым именем. Авдей Белинский.

Не сомневайтесь, эти и прочие вопросы педагогики, вампирологии, ведьмографии и современного расклада сил на плацдарме очередной битвы Добра и Зла вполне по плечу ведьме Викке. Она разберется! Как сумеет...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Первухина Н. В., 2003
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013
ISBN 978-5-9922-1341-6

— Если мне не посветишь — принесу домой вирус.

Сергей Первухин, программист

— Согласна. Приноси, дорогой, в хозяйстве все пригодится.

Послушные девочки попадают в рай, а непослушные — куда захотят сами.

Английская пословица¹

Давно замечено, что самые большие неприятности начинаются с мелочей. Совершенно ничтожных, вроде перегоревшей лампочки в подъезде, упавших в канализационный люк ключей от квартиры или намертво не желающей расстегиваться брючной молнии... Или, как в данном случае, с губной помады.

Цвет помады был экстремальным. Густо-синий перламутр с каким-то жутким малиновым отблеском. Такая помада может использоваться в качестве стратегического наступательного вооружения на неподготовленную мужскую психику и привести к катастрофическим последствиям вроде заикания, энуреза и ретроградной амнезии. И именно такую помаду приобрела себе в бутике на сэкономленные от школьных завтраков деньги Марья Белинская. И именно Марья Белинская сидела сейчас в гостиной перед зеркалом и с наслаждением покрывала свои нежные губки этим ужасом.

— Супер, — резюмировала она, закончив процедуру, и полюбовалась своими губами, повертев зеркало так и этак.

— Напоминает раздавленную гнилую сливу, — выдала свою оценку новой помады Дарья Белинская, сестра-близнец вышеупомянутой Марьи.

— Что б ты понимала! — вскинулась Марья. — Таранка сушеная! Завянь и скисни!

— Я только констатирую, что эта помада — полнейшая безвкусица, — пожала плечами Дарья и перелистнула страницу изучаемого ею трактата Кьеркегора «Страх и трепет».

---

¹ Вопрос о местонахождении послушных, а равно и непослушных мальчиков английская пословица оставляет открытым. — Автор.

На пять, нет, на четыре с половиной минуты между сестрами воцарилась относительно мирная тишина. И за это короткое время надо постараться успеть охарактеризовать каждую из них.

Марья Белинская. Возраст — пятнадцать с половиной лет. Характер — термоядерный. Темперамент — кайенский перец в смеси с селитрой. Внешность — просто милашка, если смыть всю косметику и вылечить три прыща на лбу. Увлечения — танцпол, мальчишки, старый добрый хардрок. Заветная мечта — сделать пирсинг языка и татуировку (в виде спаривающихся змей) на левой ягодице.

Дарья Белинская. Возраст — тот же, с той только поправкой, что Дарья родилась на две с четвертью минуты раньше своей сестрицы. Характер — спокойный, как отключенный синхрофазотрон. Темперамент — клубника со льдом, причем льда больше. Внешность — вылитая Машка, только без косметики и прыщей. Увлечения — экзистенциальная философия, эстетика постимпрессионизма, поздний Верди и ранний Берлиоз. Заветная мечта — стать постоянным автором одной из научных рубрик журнала «Наука и религия», выучить старофранцузский и приобрести прижизненное издание собрания сочинений Фридриха Ницше.

И только в одном эти девушки схожи, как две половинки разрезанного арбуза (имеется в виду *правильно* разрезанный арбуз!): в их взрослеющем сознании вызрел, как фурункул, и грозил прорывом мощный бунт против образа жизни и морали родителей, коими являются Авдей Белинский — писатель с мировым именем и Викка Белинская, ведьма. Просто ведьма. С Именем.

...Марья добавила к помаде еще и блеска для губ с голографическим эффектом, отчего по стенам метнулись разноцветные отблески. Натянула джинсовую юбку с живописно обтрепанным подолом (за «обтрепанность» — специальная наценка 25 процентов) и черный топик, прозрачно намекавший на всякое отсутствие бюстгалтера, только портившего юную грудь.

— И куда ты намазалилась в таком стремном прикиде? — оторвалась от обожаемого Кьеркегора Дарья. В ее голосе

звучала ирония, которая смутила бы кого угодно. Только не сестру.

— На тусовку в «Коленвал». — Марья принялась застегивать босоножки-платформы.

— Ну ты с дуба рухнула! — В общении с интеллектуально недоразвитой сестрицей надменная Дарья предпочитала переходить на общеупотребительный сленг. — На часах — одиннадцать вечера, какие, на фиг, тусовки?! Предки придут — они тебе хаер оторвут.

— А они узнают? — в том же тоне ответствовала Марья. — Если только ты попробуешь меня заложить... Хана тогда твоему Канту. И кассетам с этим голимым Рахманиновым!

— Тупая ты. Когда я тебя закладывала? У тебя в голове мозги есть или как? Тебя пришибут или оттрахают на этой тусовке; в «Коленвале» один отстой собирается, скины и наркота!

— Много ты знаешь... — протянула Машка, но прежней уверенности в ее голосе не было. Дело в том, что танцевать в «Коленвал» она шла впервые. Причем в одиночку. А так как она все-таки была девочкой из приличной семьи, то истории об изнасилованиях на танцполах, о наркоманах-маньяках, о скинхедшах, которые разделявают на фарш всякую непохожую на них девчонку, ее пугали. Но разве она признается в своих страхах сестре! Этой бледной зануде с книжками!

Тем более что выдалась такая возможность: целых две недели пожить в свое удовольствие — без школы, родителей и младшего братца! Семейство укатило в солнечную Одессу, где со стапелей спускали на воду новый теплоход «Авдей Белинский». Банкеты, приветы, экскурсии — скукотища, одним словом. Мать, конечно, противилась тому, что дочери остаются без присмотра. Но бабушка Таня второй месяц лечила от ревматизма своего мужа в Гималаях и потому приехать никак не могла.

Словом, судьба была на стороне Марьи Белинской. Судьба привела ее во второсортный дансинг-клуб «Коленвал» в роковую пятницу тринадцатого мая. Душной, липкой от наступающей на Москву жары была та пятница. Но погода тут ни при чем. Когда судьба вершит с человеком свое черное дело, погода предпочитает не вмешиваться.

Итак, в начале двенадцатого вечера Марья Белинская, окончательно поругавшись с сестрой и распугав своим потрясающим видом припозднившихся на скамейках у подъезда старушек, отправилась в «Коленвал», сверкающий неоновыми огнями кварталах в трех от квартиры Белинских. Вечерняя майская Москва была напрочь лишена романтики. Пахло не сиренью, а перегретым асфальтом и прокисшим пивом. Вместо соловьев в чахлом кустарнике орали пьяницы и их озлобленные горькой судьбой жены. Но Марья не обращала на это внимания. Она шла потанцевать. Поколбаситься. Потусоваться. И еще мечтала о том, что новая помада будет по достоинству оценена окружающими.

По случаю жары танцы устроили на широкой веранде «Коленвала». Там же, вдоль стены, стояли пластиковыми мухоморами столики с зонтиками, у которых притомившийся от танцев народ утешался пивом и дешевыми коктейлями. Со стороны туалетов явственно тянуло анашой.

Едва синегубая Марья вошла, чуть виляя бедрами, на веранду, диджей как раз поставил суперхит сезона, под который сразу хотелось оторваться по полной программе. Народ завизжал, задержался в бешеном ритме, и этот же ритм втянул Машу, как жерло пылесоса упавшую на ковер пушинку.

...В возрасте шести лет Марью попытались отдать в балетную школу. Мама Вика очень хотела узреть дочку в костюме Жизели либо феи Драже. Но дочка не оправдала маминых тщеславных чаяний. Она посетила одно-единственное занятие и так убедительно инсценировала жестокое растяжение связок на ноге, что родителям пришлось смириться с тем, что их дочери никогда не удастся танцевать.

Родителям свойственно ошибаться. Если бы в данную минуту они сунули свои любопытные носы на трясущуюся от топота сотен ног веранду «Коленвала», то вряд ли бы узнали в извивающейся, как змейка, кружащейся, словно взъярившийся вентилятор, полуодетой девице свою милую и относительно скромную дочь.

Марья самозабвенно танцевала, не замечая ничего и никого вокруг, ее синяя помада горела, как семафор, топик вымок от пота, тушь не выдержала напряженного ритма и поехала с ресниц подальше на щеки...

— Отвязная метелка, — сказал один плечистый и крепкий парнишка другому, тоже плечистому и крепкому, укаывая на Марью банкой с «Красным быком».

— Фуфло, — оценил тот.

— Не скажи. Ноги какие, прикинь.

Собеседник хлебнул водки с томатным соком и равнодушно сказал:

— Лады. Первым трахаеть ты.

В этот момент начался медляк, то есть медленный танец, в течение которого полагалось томно повиснуть на имеющемся у тебя кавалере и позволить его рукам залезть под твою майку.

У Марьи кавалера не было (что ее безумно огорчало), и она отошла к краю веранды — отдышаться и сделать вид, что ей аб-со-лют-но безразличны медленные танцы со всякими обнимашками и поцелуйчиками...

— Извините... Можно вас пригласить?

Марья глянула на подошедшего к ней кавалера и внутренне скривилась. Какой-то малолетка! Физиономия круглая, как блин, уши торчат, очки в пол-лица да еще веснушки. Худой и какой-то чересчур сутулый, как горбун. Полный отстой, одним словом.

«Вот невезуха! — подумала Марья, окидывая взглядом отдыхающей пантеры столики. — Почему все нормальные пацаны сидят и глущат пиво! Вон те, двое, пригласили бы, там хоть есть на что посмотреть. А этот отморозок...»

Марья неслышно вздохнула и пошла танцевать с отморозком. Кстати, для отморозка он танцевал просто отлично, и Марья даже подумала, что, не будь он так похож лицом на объевшегося сурка, можно было б закрутить с ним романчик. Но вообще такие мальчишки не во вкусе Марьи.

— Извините... — Наверное, с этого слова вежливый, затюканный мамой-папой мальчик только и мог начинать разговор. — Мне кажется, что вам не идет эта помада, Маша.

Марья (девочка, которой никто, даже мама-ведьма, не смел делать замечаний, дабы не подвергать опасности собственную жизнь!) от изумления чуть не слетела со своих высоченных босоножек. Но этот очкарик довольно крепко держал ее за талию. И не подумаешь, что у такого тщедуш-

ного тельца есть еще и мышцы... Марья хотела ответить мальчишке фразой, которая поставила бы его на место, но почему-то все выражения, используемые современными девушками в подобных случаях, вылетели у нее из головы...

И в пылу гнева Маша совершенно не заметила того, что незнакомый мальчик откуда-то знает ее имя.

Танец закончился, и Марья, почти оттолкнув своего кавалера, зашагала прочь с веранды. У нее вдруг пропало всякое настроение веселиться и вообще колбаситься. Странная тоска стремительно заполняла ее душу, как морской прилив — песчаную отмель.

— Погодите... — услышала Марья умоляющий голос, но принципиально не обернулась. Вот еще. Сначала пусть этот сопляк научится разбираться в губной помаде, а уж потом пристаёт к симпатичным девушкам!

Разгневанные девушки крайне ненаблюдательны. Иначе Марья обязательно бы заметила, что следом за ней двинулись двое плечистых и крепких парней с лицами выразительными, как рулон туалетной бумаги. На неширокой, плохо освещенной аллейке, удалявшейся от жилых кварталов, парни как-то очень быстро поравнялись с Машей и синхронно схватили ее под голые локотки.

— Привет, кисуля, — ласково пропел парнишка слева.

— Ух ты, какая попка! — незамедлительно перешел к оценке тактильных ощущений парнишка справа.

Машу забила дрожь — от отвращения, страха и понимания, что в этой чертовой аллее она оказалась с двумя недвусмысленно настроенными типами абсолютно беззащитной. Она ведь даже газовый баллончик с собой не взяла!

...Да и как бы она смогла его достать, если эти маньяки как клещами держат ее покрывшиеся мурашками руки?!

— Отвалите! — прошипела Машка, дергаясь в их цепких объятиях. — Не трогайте меня-а-а!

Все-таки кое-какие уроки самообороны она знала. Но плохо помнила. Поэтому ее неловкие удары в живот одного из противников не принесли должного эффекта.

— Ах ты, сучка, — задумчиво сказал тот и сшиб Машу с ног мощной затрешиной. — Лежать! — Еще один пинок. — Я ж тебя за это всю вдоль и поперек отымею, шмара!

— Ты обещал, что я первый, — недовольно буркнул его приятель и, склонившись над Машей, рванул податливую ткань топика.

И тут Маша окончательно поняла, что с ней сейчас случится то самое, о чем пишут в газетах и кричат по телевизору. О чем шепчутся девчонки на школьных переменах и сурово-грозно читают лекции гинекологи. И Маше этого самого совершенно не хочется! Тем более — с этими подонками!!!

Она истошно завизжала, принялась брыкаться и царапаться, каким-то краем сознания отмечая, что усилия ее пропадают даром, что этот тип опять ее бьет, а другой уже стаскивает с нее трусики...

— Я вам не помешаю? — раздался над увлекшимися терзанием Маши парнями голос.

Это был такой голос, от которого затылок словно прокалывало холодной иглой. Негромкий, спокойный и даже слегка извиняющийся голос. Но от обладателя такого голоса почему-то хотелось бежать без оглядки.

Парни перестали расстегивать ширинки и обернулись, чтобы увидеть того, кто прервал их увлекательное занятие. Да и Маша, уже мысленно попрощавшаяся со своей невинностью и приготовившаяся к самому худшему, воспрянула духом, кое-как встала на ноги и попыталась одернуть юбку...

И увидела, что напротив ее мучителей стоит тот, давешний малосимпатичный круглолицый мальчишка в очках и с горбом за плечами.

Ну много ли от такого толку?!

Какой из него защитник?!

Он наверняка никогда не дрался и до сих пор памперс носит!

Видимо, крутые крепкие парни именно так и подумали.

— Вали отсюда, щенок, — процедил сквозь зубы один из них.

— А то мы и тебя девочкой сделаем, — пообещал другой.

И они хотели было продолжить расстегивание ширинок...

И тут странный мальчик снял очки и широко улыбнулся. В ослепительном свете, исходившем от его прозрачных как льдинки глаз, засверкали длинные, острые клыки.

— Вы дурно себя ведете, люди. И в вас слишком много дурной крови. Я могу забрать ее у вас.

Марья увидела, что насильники под взглядом мальчишки застыли, как восковые фигуры. Или как... Как ледяные. Мальчик подошел к одному из парней и легко, небрежно толкнул его в грудь ладонью. Тот, не меняя окаменелой позы, упал на асфальт...

И со стеклянным звоном разлетелся на куски.

— Кажется, ты хотел быть первым, — скалясь, сказал мальчик бранным останкам, разбрызганным по асфальту.

Маша двумя ладошками изо всех сил зажала себе рот, чтобы не завопить от ужаса. Ей хотелось бежать от страшного места, но ноги отказывались слушаться.

Взгляд льдистых глаз остановился на ней.

— Маша, хотите, я сделаю то же самое и со вторым? — почти пропел мальчик. — Он бил вас. Испортил вашу одежду. Пытался лишить вас девической чести. Он гнусный негодяй и недостойн вести жизнь человека.

Маша вдруг обрела способность говорить.

— Нет! — закричала она жалким шепотом. — Пожалуйста, не надо. Это, это... слишком ужасно. Пусть лучше его заберут в милицию и судят...

— Его не заберут. Он сын влиятельных родителей, и все его беззакония сходят ему с рук. Если оставить его в живых, он сломает жизнь еще какой-нибудь девушке. И не одной. В нем слишком много дурной крови. Он окончательно испорченный человек.

— Но какое ты имеешь право судить об этом? У тебя что, есть право убивать?

— Да, есть, — спокойно ответил мальчик, и клыки его снова сверкнули. — Потому что я вампир.

И он толкнул второго парня.

Зазвенело и захрустело.

Маша зажмурила глаза и сказала себе, что она сошла с ума и все это происходит не с ней. Она вдруг ощутила, что духота майской ночи сменилась пронизывающим все тело холодом, от которого невозможно было спрятаться.

Что-то похожее на холодное полотенце коснулось ее го-лого плеча. Маша вздрогнула и открыла глаза. Вампир сто-ял рядом с ней и протягивал ей руку.

— Идемте, Маша, — просто сказал он. — Я провожу вас до дому.

Маша молча повиновалась. Ужас сновал по ее сознанию как курсор по иконкам зависшей Windows.

— А почему ты не убил меня? — осмелилась она спросить своего спутника, когда страшная аллея осталась позади и начались жилые дома, скупо освещенные фонарями.

— А почему я должен вас убивать? — вопросом на вопрос ответил вампир. Впрочем, сейчас он уже не выглядел вам-пиром. Глаза за толстыми стеклами очков смотрели совер-шенно человеческим взглядом. И клыков видно не было. — Вы боитесь меня, Маша. Я ощущаю ауру вашего страха, но поверьте... Вам совершенно не следует меня бояться. Я не причиню вам ничего плохого.

— Между прочим, моя мама — ведьма, — ни с того ни с сего ляпнула Маша (вообще-то в приятельских кругах она предпочитала не распространяться о странностях своей ро-дительницы. Но тут будто черт за язык дернул).

— Я знаю, — кивнул юный вампир. — Я знаю всю вашу семью.

Тут Марью осенило.

— Ты что, из маминых знакомых? — покривив губы, спросила она.

— Нет, нет. — Парнишка хотел было улыбнуться, но раз-думал. Видимо, вспомнил, что его улыбка не произведет на девушку должного эффекта. — Но я... наслышан.

Марью все осеняло и осеняло:

— Я поняла! Ты следил за мной на дискотеке! Тебя мать наняла в качестве моего охранника, да?!

— Ничего подобного.

— Врешь.

— Вампиры никогда не лгут, — с достоинством, не подхо-дящим столь тщедушному телу и subtilной внешности, ответил вампир. — И никогда не становятся телохра-нителями. Это не в наших традициях...

— Ну конечно! — Машку понесло. Сказывался шок от пережитых событий. — В ваших традициях пить кровь, убивать людей и спать в гробах! И у вас изо рта всегда воняет! Когда к маме в гости приходили вампиры, меня просто тошнило от этой вони!

Мальчик смутился.

— Разве от меня... пахнет?

Марья была девицей вредной, но объективной. Поэтому она несколько раз втянула носом воздух вокруг своего спутника и вынуждена была признать, что ничем, кроме мятных лепешек, от вампира не пахнет.

— Ужасно люблю все мятное, — признался вампир. — Вот, кстати, «Крецендо». Хотите?

Марья не отказалась. Мятная прохлада успокоила ее и прояснила мозги. И она почувствовала, что ей уже не так страшно общаться с этим вампиром. Даже, наоборот, интересно. Недаром же говорится, что свежее дыхание облегчает понимание.

— И как ты стал вампиром? — поинтересовалась ведьмина дочка. Как-никак, а любопытство — доминирующая черта женского характера. И потом... Когда еще выдастся такое романтическое приключение: полночная Москва, пустые улицы, шелест отцветающей черемухи, а рядом идет настоящий вампир, спасший твою честь от гнусных насильников... Правда, вспомнив об участи, постигшей насильников, Маша снова вздрогнула.

— ...Стал вампиром, — повторил юноша окончание Машинной фразы. — Обычно. Меня посвятил отец, он тоже вампир.

— А мать?

— Мама умерла, когда рожала меня. Она была обычным человеком. Они с отцом очень любили друг друга... Отец очень страдал оттого, что не успел инициировать маму, пока она была жива. Поэтому, когда мне исполнилось шестнадцать, он сделал вампиром меня. Чтобы я всегда был с ним в его бессмертии.

— А тебе давно исполнилось шестнадцать? — Машка решила подсчитать, на сколько месяцев старше ее этот новый знакомый. Но ответ поверг девочку в благоговейный ужас.

— Сто восемьдесят четыре года назад, — ответил круглолицый веснушчатый парнишка, и глаза его на миг блеснули неживым светом.

— Ужас какой, — прошептала Маша.

— Я вас пугаю, Мари? — грустно спросил вампир. — Я вам так неприятен?

Маша смутилась.

— Да ничего подобного! — соврала она. — Моему дедушке, магу, тоже несколько сот лет. Мы даже со счета сбились и в поздравительных открытках ко дню рождения не указываем его возраст... Ой! А мы уже пришли. Вон окна нашей квартиры.

Вампир взглянул вверх, потом перевел взгляд на Машу:

— Я запомню.

— Сестра меня увидит в таком виде, будет скандалить, — смущенно сказала Маша. Ей впервые за весь вечер вдруг показалось, что вид у нее действительно неважнецкий. Особенно если учесть разорванный топик, который приходилось прижимать к груди ладонью, чтобы он не расплзся окончательно, и отсутствие под юбкой важной детали дамского белья. И макияж, наверное, превратился в непотребное месиво. А под глазом точно будет синяк, и еще какой...

— Вы очень красивая, Маша, — тихо сказал вампир. — Но помада эта вам действительно не идет.

Машка засмеялась:

— Ладно. Я ее тогда подруге какой-нибудь подарю. Мне...

— ...пора? Да, я не смею вас задерживать, Маша. Вам нужно отдохнуть, привести себя в порядок...

— Ты разговариваешь прямо как какой-нибудь граф.

— Но вы...

— Можешь обращаться ко мне на «ты», — свеликодушно начала Марья Белинская. — Ну все. Спокойной ночи.

— Да, — кивнул вампир. — Я, пожалуй, полечу...

Он неожиданно взял Машкину выпачканную в земле и тональном креме руку и поцеловал ее. Ведьмина дочка даже не успела ничего на это ответить. Вампир резко развернулся к ней спиной, отошел на пару шагов, и Машка увидела, как горб на его спине превратился в тонкие темные крылья с заостренными концами.

Вампир взмыл в небо и слился с темнотой, будто его вообще и не было. Машка отчего-то вздохнула и вошла в подъезд.

Уже отпирая дверь своей квартиры, она подумала о том, что не спросила, как его зовут.

— Ну и ладно, — проворчала Марья, сердясь на самое себя. — Все равно мы больше не встретимся!

Порыв ветра с легким ароматом мяты коснулся ее щеки.

— Меня зовут Роман, — прошептал ветер. — И мы еще встретимся.

* * *

— Это просто невыносимо!

Я включила настольный вентилятор и обессиленно рухнула в кресло. Вентилятор, жужжа, как перегруженный пыльцой шмель, принялся обдувать мое измученное тело горячим воздухом. Я взвизгнула от обиды, щелчком пальцев превратила вентилятор в китайский бумажный веер и принялась интенсивно им обмахиваться.

— За исчезновение казенного вентилятора с нас последние гривны стрясут, — посмеиваясь в усы, сказал мой муж, наблюдая за тем, как я пытаюсь спастись от утомительной и навязчивой жары.

— Пусть включают в счет, — отмахнулась веером я. — Не могли подыскать знаменитому писателю номер в более приличной гостинице! С кондиционером!

— Мне предлагали номер в готеле «Червоний», я отказался, — невозмутимо заявил Авдей.

— Это гостиница «Красная», что ли? Где обнаженная дамочка стоит на балконе с протянутой рукой и приветствует всех мимопроходящих?!

— Да. Я подумал, что ты сочтешь это дурным тоном...

— Дурной тон — забыть о том, что собственная жена не переносит жару! Даже в этом прекрасном городе!

Физиономия мужа источала какое-то дерибасовское ехидство.

— Я подумал о том, что раз моя жена — могущественная ведьма, то уж об оптимальном климате она легко позаботится.

Я расхохоталась и сменила гнев на милость.

— Предлагаешь мне согнать над Одессой-мамой тучи и устроить субтропический ливень?

— Хотя бы...

— Нет уж, уволь. Тут такая роза ветров сложная, из-за атмосферного дисбаланса можно устроить не дождь, а девятибалльный шторм. А наше чадо из моря не вылезит. Скоро буду звать его не Ярославом, а Ихтиандром.

— Ихтиандр Авдеевич... Звучит, — оценил муж, скрываясь в ванной. Вскоре оттуда донесся такой плеск и шум, будто дюжина морских котиков решила заняться синхронным плаванием.

Покуда мой благоверный наслаждается водными процедурами, введу вас в курс дела. Итак, я, Вика Белинская, природная ведьма, мой супруг, Авдей Белинский, модный писатель (и, несмотря на пробивающуюся лысину, все еще эффектный мужчина) и наш десятилетний наследник, нареченный Ярославом, в просторечии же именуемый то Яськой, то Славкой, вот уже неделю как отдыхаем в известном на весь мир своим гостеприимством белокаменном городе у самого Черного моря. Хотя «отдыхаем» — не совсем верно. Во-первых, украинские собратья по перу пригласили мужа на вручение очередной литературной премии. Во-вторых, в Одессе состоялась первая интерактивная конференция любителей иронической фантастики под девизом «Сколько можно о ведьмах?», и Авдей просто обязан был принять в ней непосредственное участие. А самое главное и замечательное то, что Черноморское пароходство пригласило мужа на торжество по случаю спуска на воду нового теплохода «Авдей Белинский». Когда твоим именем прижизненно называют теплоход, это, конечно, возвышает. Авдей с тех пор, как получил об этом известие, ходит гордым именинником. Периодически натываясь на острые копыта моей иронии. Но это я от легонькой зависти. Вот моим именем хоть бы сухогруз какой-нибудь назвали! Танкер. Или, на худой конец, шаланду, полную кефали. Чем я хуже своего мужа?!

На самом деле мирская слава меня мало волнует. Авдею приятны внимание и почет, так ведь они и заслужены: за те шестнадцать лет, что мы живем вместе, он написал массу великолепных романов, которые не исчезают из списка российских бестселлеров, создал собственное литературное агентство, учредил журнал для любителей фэнтези и завел массу сайтов в Интернете. Конечно, он не догадывается, что стимулятором его бурной общественной и творческой деятельности отчасти является изготавливаемая мною наговорная настойка, которую я добавляю супругу в утренний кофе и вечерний чай. И он не знает о том, что заговоры, регулярно произносимые мною же над спящим супругом в каждое полнолуние, оберегают его от гриппа, гепатита, диареи, перхоти, депрессии, запоев, любовниц и враждебно настроенных критиков. Стараюсь, как могу, на то я и жена. И ведьма.

— Вика! — зовет меня из ванной муж. — Ты что там затихла? Иди-ка лучше ко мне. Я тебе спинку потру, пока Славка не вернулся...

(Дополнительным эффектом моих заговоров является неослабевающее желание супруга любоваться прекрасным телом жены. Ну и не только любоваться.)

Где-то через часок мы покинули-таки ванную. Но не потому, что на большее нас не хватило, а потому что воду отключили.

— Это издевательство! — заявила я, вытряхивая из ушей остатки мыльной пены.

— Это одесский юмор. Не расстраивайся. Вечерком пойдем на Лузановку, поплещемся.

— Ладно. Кстати, который час? Святая Вальпурга! Я же Славке русским литературным языком сказала: быть в номере не позже половины третьего! Наверняка его на бульвар занесло!

— Ну и что? Пусть поскачет, порезвится, пересчитает попкой все ступеньки на Потемкинской лестнице. Успокойся. Дай парню вольным одесским воздухом подышать.

— Я-то успокоюсь. А если он влезет на какой-нибудь бесценный исторический памятник? Или рванет в порт — проситься «кораблик поглядеть»?

— У пацана морская душа. Он у нас будет романтиком.
— Из него вырастет пират.
— Нормально. Будет обеспечивать нашу с тобой спокойную старость. Потому что от дочерей мы этого вряд ли дождемся.

Тут мы оба погрузстнели и завздыхали. Наши милые дочки, кровиночки, смирные и ласковые близняшки за последний год превратились просто в моральных монстров. Не будь я ведьмой, подумала бы, что кто-то наслал на них порчу. Но порча тут ни при чем. Виноват переходный возраст. Я в пятнадцать лет тоже мнила себя носительницей мировой истины и считала непрошибаемыми тупицами всех тех, кто осмеливался критиковать мои ажурные колготки с люрексом и клипсы из маленьких подшипников...

Одна радость — сын пока растет спокойным послушным мальчиком и не бунтует против папы с мамой. Правда, месяца три назад он пришел домой и заявил, что записался в кружок «Юный судомоделист». Пришлось купить ему учебник по парусному моделированию, банку с клеем и толстый справочник «Мировые корабли».

— Авдей, я волнуюсь.

— Я вижу. Смени цвет глаз, фиолетовый не идет к салатовому халату.

— Он давно должен быть в гостинице. Чертенок! Вот где его искать?!

Я подняла трубку внутреннего гостиничного телефона:

— Дежурный? Скажите, пожалуйста, в котором часу из номера четыреста пятьдесят шесть вышел мальчик, Ярослав Белинский? На нем такие шортики зелененькие...

— Не розумию... — нахально пропела трубка.

— Десять баксов.

— Не...

— Двадцать.

— Ах, хлопчик! Так вин пийшов до Привозу!

— Давно?

— А то. Трошки розвиднелось... Як вы с чоловіком отъїхали, так вин и побежав...

— Понятно. — Я отчаянными глазами смотрела на мужа. Потом взяла себя в руки и отчеканила в трубку: — Деньги получите вместе с ключами.

— Вика, оставь в покое несчастный телефон. Ты его уже в гармошку смяла, — жалобно попросил Авдей.

Я отшвырнула злосчастный телефонный аппарат и принялась торопливо одеваться, чтобы бежать и спасти сына.

— Ты понимаешь, что его нет уже почти целый день! — закричала я. — Зачем он пошел на этот базар?! Сувениры покупать? А если его похитили?!

— Похищения — твоя навязчивая идея... — пробормотал Авдей.

— Иронизируешь? Это же твой сын!!!

Я готова была превратиться в дракона и облететь весь этот распрекрасный город в поисках ненаглядного чада. Чтобы потом хорошенько ему всыпать!

Авдей, кажется, тоже принялся волноваться. Но виду не подал.

— Ждем еще час, — сказал он. — Потом идем в милицию.

Мы прождали два часа.

Но в милицию не пошли.

— Милиция нам поможет, как пейджер утопленнику! — заявила я, тщетно пытаясь успокоиться и сосредоточиться. — Менты сейчас не людей ищут, а в кино снимаются и романы пишут! Сама буду искать. Где мой кристалл магический?

Муж скоренько полез под кровать, вытянул баул и, порывшись в нем, извлек завернутый в бархатную тряпицу кристалл. Я взяла его, водрузила на стол.

— Задерни шторы, — приказала мужу, и тот беспрекословно повиновался. Потому как знал, что в такие моменты лучше исполнять мои указания.

— Самоблагословиться не забудь, — только и сказал мне он.

— Некогда! — отмахнулась я. — Я не ритуальные танцы устраиваю, а сына ищу.

Поясняю для тех, кто не в курсе: самоблагословение с недавних пор стало просто навязчивой идеей в среде практикующих ведьм. С этого набора эффектных, но по сути пустых фраз начинали любой шабаш, обряд или оргию. Это,

мол, для того, чтобы ведьма почувствовала себя сопричастной стихиям и царящей над временем и пространством. Глупости. Настоящая магия в этом не нуждается.

Муж скромно уселся в углу, дабы не мешать моему общению с магическим предметом.

Кристалл привычно подернулся туманной дымкой, а потом ярко загорелся, полностью готовый к эксплуатации.

— Начать поиск, — приказала я. — Объект — человек. Имя — Ярослав Белинский. Возраст — десять лет.

— Выполнено.

Кристалл демонстрировал мне внутреннее убранство какого-то плохо освещенного помещения. Нет, скорее пещеры. Стены из потемневшего ракушечника были увешаны огромными картинами, изображавшими парусники с гордо воздетыми к небесам бушпритами. Меж картин, как спящие удавы, пристроились просмоленные корабельные канаты.

Я поманила мужа: присоединяйся к просмотру! Он так и прикипел взглядом к кристаллу.

— Слу-ушай, — восхищенно протянул Авдей. — Вон там, на картине — клипер «Флайинг клауд»! Точно! А вон модель римской триремы!

— Меня в данный момент не интересуют эти шедевры, — напряженно сказала я, хотя была страстной поклонницей всего парусно-корабельного. — Где наш сын?

— Похоже, бродит среди этого... музея. Потому как что это, если не музей? Кладбище забытых кораблей? — рассеянно говорил супруг. — О, а вот и Яська! Ты смотри, экспонат с витрины тягает!

В самом деле, мой сынок, опасливо оглядевшись по сторонам, приподнял крышку стеклянной витрины и вытянул лежавшую там на бархатной подушке медную подзорную трубу, по виду — весьма старинную.

— Оболтус, — покачала головой я. — А если он ее раскокает?.. Тьфу, о чем я. Сейчас же его зрители растерзают!

Но мои опасения не оправдались. Похоже, мой сын находился в этом странном хранилище морской и корабельной экзотики в совершенном одиночестве. И это снова заставило меня трястись от волнения.

Я накрыла тряпкой кристалл и ни с того ни с сего разрыдалась.

— Вика, да что с тобой?! Мы сейчас поедem в этот музей и притащим Славку в гостиницу за уши!

— Понимаешь... Тут что-то не так. Я чувствую.

— Магия?

— Нет. Не могу понять. И объяснить. Но кто-то всерьез заинтересовался судьбой нашего сына. И это может плохо кончиться.

С таким настроением мы выскочили на плавающие от жары улицы Одессы.

Я не спорю, это удивительный город. Вечерами мы втроем бродили по причалу, смотрели на россыпи огней в море, дышали пропитанным йодом воздухом, наслаждались колоритным жизнелюбивым одесским юмором, которого уже давно не сыскать в суетной и вечно депрессивной Москве...

Но сейчас нам было не до юмора.

— Где находится музей парусников? — поминутно спрашивали мы у прохожих, те в ответ только плечами пожимали. Некоторые снисходили до пояснений:

— Да у нас такого музея сроду не было!

Тогда что мы увидели в магическом кристалле?!

Часам к семи вечера, вымотанные бесконечной ходьбой, голодные и несчастные, мы уселись на скамейку возле статуи Лаокоона. Я посочувствовала этому мраморному страдальцу, сражающемуся с гадом ради своих чад. Где же наше чадо, а?

— Все-таки придется заявлять в милицию, — обреченно сказал Авдей.

— Ты прав. — Я чувствовала себя так, словно меня только что хитро обманули. Обвели вокруг пальца.

— Возвращаемся в гостиницу. — Авдей решительно подхватил меня под руку. — Что толку здесь сидеть?

Я не возражала.

Проходя мимо дежурного администратора, я молча выложила на стойку обещанные двадцать долларов и вслед за мужем поднялась в номер.

И вслед за ним застыла у распахнутой двери.

В номере на ковре сидел наш сын и как ни в чем не бывало раскладывал свой любимый паззл, изображавший фрегат «Паллада».

— Привет, — сказал нам сын. — А где вы были? Я есть хочу.

— Нет, это ты где шлялся весь день?!

— Авдей, не кричи на ребенка!

— Этот ребенок вытворяет черт-те что! Мать с ног сбилась, тебя искала! И я, кстати, тоже!

— Где ты был?!

Ярослав посмотрел на нас укоризненным взглядом несправедливо обвиненного человека.

— Я сначала гулял по Приморскому бульвару. А потом был в Приюте Забытых Капитанов.

— Где?! Это что, какой-нибудь музей?

— Я же говорю — *приют*.

— Такого места в Одессе нет!

— Есть. Просто о нем не всякий знает. Там так здорово!

— Мы видели... — сказала было я и осеклась. Сыну я не говорила о своей магической спецтехнике. Иначе он обязательно использовал бы кристалл в своих шалостях.

— Ладно. Мой руки и идем в ресторан. Ужинаем и спать! Послезавтра у отца конференция, а ты тут нам приключения устраиваешь.

— Ничего я не устраиваю, — проворчал сынок, опасливо глядя на меня.

Но я уже не сердилась. Я была счастлива. Сын нашелся!

Только где-то очень глубоко в душе осталось, как заноза в пятке, ощущение, что я пропустила нечто весьма важное. И что проблемы с нашим отпрыском только начались...

Всю ночь я не спала, сидела в шезлонге на балконе, прислушивалась к доносившемуся из номера похрапыванию мужа и сопению сына, смотрела на яркие южные созвездия, и было мне отчего-то тоскливо и тревожно.

Неужели лимит спокойной жизни так быстро исчерпан?

Десять лет назад я лишилась своего заклятого врага, обрела истинных друзей и успокоилась на этом. Родился Яська, подрастали Машка с Дашкой, и мне, матери такого обширного и шумного семейства, было совершенно наплевать

на постоянную битву Добра и Зла. Это Баронет, мамин верный супруг, — вечный воин, пожизненный маг на службе у закона, держащий руку на эфесе шпаги и пульсе всех мировых катаклизмов... Но даже его в последнее время так скрутил ревматизм, что стало не до поисков злодеев и всяческих супостатов.

Значит, кто-то решил встать на моем пути?

— И кто же тут хочет попробовать ведьмовской силы? — тихо спросила я у роскошной одесской ночи, не надеясь, впрочем, на ответ. В порту прощально прогудел теплоход. Да вездесущие цикады монотонно и бесконечно звенели, уводя меня в долгожданный сон.

Во сне я увидела, как мой сынишка идет по разноцветной гальке пляжа и море плещется у самых его ног. И вдруг посреди морской глади возникает парусный корабль и, тихо рассекая острым килем волны, идет прямо к моему мальчику. Потом я вижу, что рядом с Ярославом стоит мужчина, худой, бледный, в парике с косицей, камзоле и высоких ботфортах. Глаза этого типа горят как огни святого Эльма.

— Идем с нами, — глухо говорит мужчина моему сыну. — Наш корабль не может оставаться без капитана.

— Почему именно я? — спрашивает Яська. Резонно, между прочим, спрашивает. Я с младенческих лет внушала своему отпрыску, что не следует доверять незнакомым дядям, приглашающим сниматься в новом эпизоде «Звездных войн» или «Властелина Колец», вручающим бесплатную сигаретку с предложением научиться курить и приглашающим прокатиться на красивой машине.

— Правильно, сынок, — пытаюсь я вмешаться в ход своего сна. — Не связывайся ты с этим типом. Вид у него очень уж странный.

Однако сын меня не слышит, мужчина молча берет его за руку и ведет к кораблю. По воде. И я вижу, как мой сын вдруг оказывается на борту среди команды настоящих скелетов в тельняшках!

— «Летучий Голландец»! — вскрикивает Яська. В этом вскрике не страх, а беспредельный восторг. Еще бы! Какой мальчишка не мечтал побывать на этом снискавшем мрачную славу корабле!

— Да. И ты — наш капитан. Ты поведешь корабль к Острову, Которому Нет Описания. Это можешь только ты.

— А мои папа и мама?

— Не беспокойся. Они даже не заметят твоего отсутствия.

И тут я возмущенно кричу, что это наглая ложь и моего ребенка следует немедленно оставить в покое...

— Верните его на берег, негодяи!

Однако на берегу остаюсь я и в бессильной ярости смотрю на корму стремительно удаляющегося в открытое море корабля, увозящего моего сына. На мачтах вспухают от ветра черные паруса. Доносится с детства знакомая песня:

Йо-хо-хо и бутылка рома!..

— Ну вот. Я так и знал, что наш сын окажется пиратом. — В моем сне появляется Авдей и успокаивающе гладит мое плечо. — Ты не переживай, дорогая. Поплывает и вернется...

— Я не хочу! Почему со мной не согласовали?!

— Дети никогда ничего не согласовывают с родителями... Но если хочешь, мы можем отправиться за ними в погоню.

— У нас что, есть корабль?

— Да. — Авдей с серьезным видом указывает на полуогнившую, облепленную высохшими водорослями, засыпанную песком шлюпку.

— Ну, знаешь... Твой юмор совершенно неуместен в данном случае! — возмущенно кричу я.

На этом сон обрывается.

Я встала с шезлонга, приходя в себя. Оперлась о балконный бортик и невольно залюбовалась рассветом. Над пирамидальными тополями золотилась далекая полоска моря. Мягкий ветер шевелил веера декоративных пальм. Фонтан перед входом в гостиницу, отключаемый на ночь, теперь снова заискрился переливчатыми струйками воды...

В глубине комнаты настырно зазвенел будильник. Я усмехнулась. Авдей регулярно ставит себе будильник под самое ухо и регулярно же прихлопывает звенящего монстра подушкой и продолжает спать. И тогда за побудку приходится браться мне.

Я покинула балкон и с громким призывом: «Вставайте, сони!» — принялась расталкивать своих мужчин. В ответ

они кинули в меня подушками. Я затормозила подушки в воздухе и направила их обратно — в этих лентяев.

Авдей тут же вскочил и, изобразив полное мне послушание, отправился бриться. А Ярослав...

Он аккуратно поймал подушку, застелил постель и сказал:

— Мама, можно я сегодня снова пойду в Приют?

Я села мимо кресла.

— Авдей! — завопила я. — Нашего сына подменили!

На мой вопль муж выскочил из ванной с одной намыленной щекой.

— Ты посмотри на него! — указала я пальцем на Ярослава. — Это не он!

Муж пригляделся.

— Вика, ты перегрелась на солнце. Это вполне наш сын.

— Да?! А почему он не удивился тому, как я кинула в него подушкой? Он ведь сроду не видел, чтоб подушки зависали в воздухе! И потом... *Он хочет идти ТУДА!*

— Ай, — отмахнулся муж. — Вечно ты придумываешь какие-то несуществующие страхи. Дай мне добриться. Не знаю, как Ярослав, а мы сегодня идем в *Палаць культуры морякив* на встречу с читателями.

И супруг ушел, оставив меня в обществе сына (или того, кто очень похож на моего сына).

Ярослав исподлобья глянул на меня и потянулся к коробке с пазлом.

— Отставить игрушки! — приказала я. — И всякие фантазии насчет каких-то капитанов тоже отставить! Сначала ты у меня будешь завтракать! Я немедленно закажу в номер овсяную кашу, бутерброды с маслом и брынзой и творожную запеканку. Это ведь твоя любимая еда!

— Конечно. Я с удовольствием позавтракаю, — невозмутимо ответил сын.

И эта фраза окончательно утвердила меня во мнении, что кем-кем, а уж Ярославом Белинским этот мальчик не является! Потому что мой отпрыск при словосочетании «овсяная каша» покрывался мурашками, бутерброды с маслом и брынзой милостиво скармливал в окошко воробушкам и синичкам, а уж при одном запахе творожной запеканки его

просто выворачивало наизнанку. И фразу «Я с удовольствием позавтракаю» мой настоящий сын произнести просто не мог. Он ненавидел завтраки, обеды, полдники и ужины и шел на них, как призывник — на медкомиссию.

Так кто ж ты, милый мальчик, а?

Я тайно произнесла заклинание, развеивающее морок, а также лишаящее любого оборотня его личины. Не сработало. Псевдо-Ярослав увлеченно жевал принесенную горничной в номер овсянку. Я отошла за высокую развесистую пальму в углу комнаты и, загородившись широким перистым листом, посмотрела на мальчика *истинным зрением*. От моего пристального фиолетового взгляда лист пальмы задымился и скукожился, а сын ничего не заметил и принялся за запеканку, заедая ее бутербродами и запивая смородиновым киселем (брр, мерзость!).

Тут муж, выбритый и настроенный по-деловому, принялся выспрашивать у меня совета, какой из сотни привезенных с собой галстуков ему надеть на предстоящую встречу. Я навскидку посоветовала золотистый с черными разводами.

— Я буду похож в нем на системного программиста, — сказал муж, подходя ко мне с висящим на запястье злосчастным галстуком. — Кстати, *что* ты сидишь тут, за пальмой?

— Чш-ш! — зашипела я. — Ты посмотри на этого мальчика!

— Вика, ты опять за свое. У тебя магик-психоз.

Магик-психозом мой дорогой супруг называл такое мое настроение или душевное состояние, при котором я начинала видеть нечто враждебно-окультурное даже в самых реалистических и вполне невинных вещах вроде вантуза либо электрогрелки.

— Нет у меня психоза. Ты видишь, что он ест? Наш сын когда-нибудь был на это способен?

— Ну и что. Может, он вырастет и ему начинает нравиться даже такая еда. Я вот со временем привык есть пиццу, которую ты готовишь...

— Спасибо тебе, дорогой! — В качестве маленькой мести за комплимент моим поварским способностям я взглядом заставила мужнин галстук обвязаться вокруг его запястья кокетливым, но очень крепким бантиком.

- Вот так и иди на встречу со своими поклонниками!
- Дорогая, твои дурацкие шуточки...
- Погоди ты!

Я покинула пост наблюдения и подошла к лже-Ярославу. Послав в свою левую ладонь заряд обессиливания мага, я этой ладонью коснулась острого мальчишечьего плеча. Нулевой эффект. Разве что «сын» посмотрел на меня и спросил:

— Я могу идти? Я ведь уже позавтракал. Спасибо за завтрак, мамочка.

— Иди, милый, — ангельским голосом пропела я. — А можно мне пойти с тобой?

Впервые лицо этого дитяти как-то неуловимо изменилось.

— Нет, мамочка, — ровным и твердым как бетонное покрытие голосом ответил мальчик. — Туда взрослых не пускают.

— Ну, нет так нет, — притворно вздохнула я и взъерошила волосы на макушке Ярослава. При этом прицепила к волосам волшебную невидимую ниточку, которая потянется за мальчиком и укажет мне его местонахождение. Никто, кроме меня, не сможет эту ниточку дезактивировать. — Беги в этот свой Приют, постреленок!

Когда дверь за псевдосыном захлопнулась, муж подошел ко мне и спросил удивленно:

— Что с тобой творится? То ты его ни в какую не хочешь отпускать, то наоборот... Кстати, развяжи этот чертов бант. Я же опоздаю на официальное мероприятие! И надо мной смеяться станут!

Я развязала бант и сказала:

— Ты, разумеется, мне не поверишь, но все-таки это не наш сын. Не настоящий Ярослав.

— Морок, что ли?

— Нет. И не оборотень. И не магический посланец. В нем нет ничего паранормального. Ничего волшебного. И все-таки он не наш...

Тут я вспомнила об увиденном ночью сне и незамедлительно пересказала мужу его содержание. Тот сначала внимательно слушал, а потом изумленно приподнял брови:

— Вика, знаешь, что ты сейчас мне пересказываешь?!

— Что?

— Содержание моего романа! Ну, вспомни! «Пристань последних кораблей»!

— Извини, я не читала. Не успела...

— Да? Странно.

— Я обязательно прочту.

— Не в этом дело, дорогая. Странно, что ты, не читая этой вещи, стопроцентно воспроизвела сюжет. Мальчик уходит гулять на море и всходит на борт «Летучего Голландца». А к родителям вместо этого мальчика приходит... он же, но *другой*.

— Это как? Он фантом, призрак?

— Нет, такой же человек из плоти и крови, только обладающий теми качествами, которых недостает своему... отражению, что ли. Понимаешь, это как в старой сказке про зеркало: отражение оживает и дополняет свою матрицу противоположными параметрами...

— Один не ест овсянку, другой ее обожает...

— Именно!

Я схватилась за голову.

— Авдей, одно дело — роман, а другое — реальная жизнь! Кому понадобилось менять нашего сына на двойника?!

— Да с чего ты взяла, что его вообще подменили?!

— Я мать! — гордо сказала я. — Материнское сердце не проведешь.

— Ну допустим. Тогда где же мы будем искать настоящего Яську? На борту «Летучего Голландца»?!

Я сникла. Но потом воспрянула духом:

— Я могу проследить путь псевдосына! Выяснить, что это за Приют Забытых Капитанов, в который он так рвался!

— Будем следить вместе.

— А как же встреча с читателями?

— О чем ты говоришь, Вика? Тут сын пропал, а я пойду болтовней заниматься?!

— Ладно, — решила я. — Постараемся никого не обидеть. Сколько примерно продлится твое мероприятие?

— Часа полтора, потом еще час на экскурсию в исторический центр города, час на фуршет, минут сорок на автографы...

— Я создам морока на четыре с половиной часа. Наговори ему все указания и можешь смело отправляться со мной навстречу очередным приключениям.

...Морок, кстати, получился даже более презентабельным, чем мой супруг. И речи о специфике современной литературной жизни произносил с большим пафосом и знанием вопроса.

— Сойдет, — решили мы.

Через двадцать минут элегантный морок отправился во Дворец культуры моряков на встречу с любителями фантастики. А мы с мужем покинули гостиничный номер через балкон, чтобы у дежурного администратора при виде вновь выходящего из номера Авдея Белинского не случилось дежавю. А через балкон, с четвертого этажа я, никого не беспокоя и наложив заклятие общей невидимости, слевитировала вниз, волоча мужа за ворот ковбойки (хорошо — крепкая ткань, качественная) как мешок с цементом.

— Раскормила я тебя, Белинский, на свою шею! — отдуваясь, произнесла я, едва мы ощутили под ногами твердую брусчатку. — Сел бы ты на диету, что ли...

— Теща вернется — посадит, — вернул мне колкость любящий супруг.

Впрочем, препираться нам было некогда, да и не хотелось, чтобы случайные прохожие услышали голоса ниоткуда.

— Куда мы теперь направляемся? — шепнул Авдей, едва мы вышли из зоны видимости гостиницы.

Я ликвидировала заклятие, потом пошептала на свою левую ладонь. Ладонь засветилась, и на ней, как стрелка в компасе, задрожала верткая алая полоска, почти невидимая в потоках солнечных лучей. Но если внимательно приглядеться, то можно увидеть, что полоска, выходя за край моей ладони, мелькает среди платанов и акаций широкого бульвара. Курортники, одесситы и те, кто пытался притвориться одесситами, проходили сквозь нить моего целеуказателя, не замечая ее. Только у меня ладонь щекотало, когда очередная дама в соломенной шляпке и шифоновом сарафане шла поперек намеченного мной пути.

Это только казалось, что по волшебной нити будет легко отыскать бесценного отпрыска. Мы бродили по городу до

позднего вечера, при этом старательно изображая просто гуляющую семейную пару, которая никуда не торопится. Ноги гудели, хотелось сесть за столик летнего кафе и выпить сразу литра три ледяного апельсинового сока (свежеотжатого!)... Но коль взялся за нить — не изволь времениить.

— Вика, а морок наверняка давно вернулся в гостиницу... — протянул Авдей, видимо уже завидуя своему фантому, пожавшему лавры славы и не обязанному бродить по городу в роли ищейки.

— Глупости. Я заклала его через пятнадцать минут после выполнения всех обязанностей зайти в мужской туалет и просто испариться над унитазом или раковиной.

— Спасибо, любимая. Поприличней ничего не могла придумать?

— Ой, какие мы гордые... Это же всего-навсего морок.

— Да, но это *мой* морок.

— Хорошо. В следующий раз, когда буду создавать твоего морока, прикажу ему развоплощаться в баре с мужским стриптизом. У шеста. И с постепенным снятием одежды. Ты сразишь всех!

Авдей хихикнул, но тут же посерьезнел. Стало уже не до смеха, наше наблюдение слишком затягивалось. С одной стороны, это было даже красиво: среди темноты (а южные ночи всегда по-особому темны), зарослей роз и агав тянется в воздухе алый лучик-паутинка, но с другой стороны...

Ох и заставила нас эта паутинка попетлять! Словно наш псевдосыночек знал о том, что мы устроим слежку, и старался запутать следы. Зря старался. Наше упорство было в конце концов вознаграждено. Где-то уже под сводами легендарной Аркадии мы наконец остановились перед странным сооружением, напоминавшим цирк-шапито.

— Дверей здесь, разумеется, не предусмотрено, — процедила я сквозь зубы, глядя на то, как алый целеуказатель упирается в глухую стену.

— Но он же прошел.

— Логично, дорогой. Ты как, не разучился еще колоть ударом руки каменные плиты?

— Каменные уже не потяну. Фанерные — куда ни шло...

— Ясенько. Опять мне работать.

Я погладила еще не остывший после жаркого дня камень рукой и властью, данной мне над всяким камнем и металлом, повелела повиноваться мне. Камень не противился. Он тихо рассыпался в прах.

Когда осела каменная крошка, в образовавшемся аккуратном проломе снова замерцала алая паутинка.

— Туда! — шепотом скомандовала я.

И первой шагнула в пролом, таща за руку Авдея.

И полетела вниз, как Алиса — в Страну Чудес!

— Ого-го! — завопил муж.

Точно. Ого-го.

И посадочка тоже. Эге-ге.

Мы немного посидели на неласково твердом полу, мысленно проводя инвентаризацию и профпригодность имеющихся у нас членов. После чего покряхтели и встали. Огляделись.

И перед нами и позади нас тянулся высверленный в толще ракушечника сумрачный коридор, освещенный странными светильниками, похожими на болотные гнилушки.

— Мне это напоминает компьютерную игру, — пробормотал муж. — Интересно, на каком мы уровне и сколько еще жизней у нас осталось?

— А вот это зависит от вас.

Голос, произнесший эти слова, не мог принадлежать человеку. И вообще никакому живому существу. Так могло бы говорить...

Привидение?

Я посмотрела вокруг *истинным зрением*. А потом сказала мужу:

— Помнишь, в путеводителе говорилось о знаменитых одесских катакомбах?

— Да. А что, собственно...

— Мне кажется, мы в них попали. Причем крепко. Ну что, идем?

— Куда?

— Вперед. Видишь, нить все еще тянется.

Мы несмело зашагали по коридору, поминутно цепляясь за стены и ожидая какого-нибудь подвоха в виде очередного провала. Но все было тихо. Правда, на самой грани слыши-

мости можно было различить отдаленный шум, напоминавший то ли шепот прибоя, то ли веселое застолье...

— Странные эти катакомбы. Неправильные. Мне кажется, ни один коренной одессит и не подозревает об их существовании.

— Это как-то связано с магией? — поинтересовался муж.

— С обыденной, известной мне, — нет, — прошептала я, оглядываясь. — И пока я не могу распознать, что это за волшебная сила...

Господа и дамы! Джентльмены-леди!
Рады пригласить вас в скромный наш Приют!
Мы всегда готовы к дружеской беседе,
Вам полусухого здесь всегда нальют!..
А-а также нальют и водочки под кильватер лодочки!
И наплещут коньячку молодому морячку!
А кто соблюдает свой облик моральный,
Пусть выпьет Особенной Минеральной!

Когда эти разудалые куплеты вдруг загремели под катакомбными сводами, я инстинктивно прижалась к крепкому мужнину плечу. Но потом вспомнила, что я как-никак ведьма, а ведьме не пристало быть пугливой и трепещущей от каждого встреченного скелета дамочкой...

Да, да. Я не оговорила. Навстречу нам, приветственно побрякивая берцовыми костями, выходили скелеты.

— Все-таки здесь замешана магия, — обреченно констатировал Авдей.

— Да. Только есть в этой магии нечто... контрабандное. Неформальное. — Я с нескрываемым любопытством разглядывала хозяев катакомб. — Хочешь, я ликвидирую эти ничемные останки, призванные пугать забредших сюда психастеников...

— Уй, мадам, к чему такие страсти! — жизнерадостно воскликнул скелет в истлевшей тельняшке и матросских клешах. — Разве мы похожи на урок с Пересыпи, шо таки норовят обидеть порядочную ведьму? Мы таки рады гостям, которые еще к тому же и родители нашего замечательного капитана Славы! Шо я говорю не так, Григорий?

— Все так, Константин! — подтвердил скелет Григорий, в наброшенном на источенные временем ключицы бушла-

те. — Здоровеньки булы! Заходите! Будьте как дома и не забывайте, что вы в костях! Пardon, в гостях!

...Да уж, у таких колоритных персонажей нам еще гостить не доводилось!

Коридор как раз вывел нас в обширную пещеру, часть убранства которой я увидела в магическом кристалле. Что ни говори, а зрелище было впечатляющее.

Посреди пещеры (или залы, не знаю, как лучше сказать) возвышался стол, заваленный экзотической южной снедью. На золотых блюдах горой возвышались персики, абрикосы и янтарные кисти спелого винограда. Из ивовой плетенки печально торчали клешни смирившихся со своей кулинарной участью крабов. Устрицы и мидии зевали, схлопывая створки своих раковин. А возле стола стояли здоровенные, литров на двадцать пять, широкогорлые бутылки, по всей вероятности, с вином домашнего приготовления...

Святая Вальпурга, о чем я думаю?! Какое «домашнее приготовление»?! Где мой сын?

Но мне не дали вновь вспыхнуть праведным материнским гневом. Скелет Константин махнул костлявой рукой, как фокусник-иллюзионист, и я увидела Славку (или псевдо-Славку?) мирно дремлющим на высокой обнаженной груди прекрасной женщины с загадочной улыбкой и рассыпанными по плечам волосами.

— Хороша, — вполголоса оценил Авдей. — У мальчика явно есть вкус. Интересно, из какого дерева ее... извзяли?

— Из дуба, — наугад ответила я. — Все мужики одинаковы. Как увидите красивую бабу, пусть даже деревянную, с корабельного носа снятую, сразу головы теряете и о деле забываете.

— Мадам, шо же нам делать, если вы так прекрасны, а мы так давно не были в достойном женском обществе! — умело польстил мне Константин.

— Вы не извольте беспокоиться за вашего хлопчика. Все тип-топ! Он умаялся, пока читал лоции...

— Меня не интересуеет этот подменьш. Где мой настоящий сын?

Григорий, Константин, а вслед за ними и прочие подтянувшиеся в пещеру скелеты выразили недоумение.

— Мадам, шо за намеки? Это ваш настоящий сын, просто у него немного изменился характер...

— Под нашим, исключительно благотворным, влиянием!

— Но мне приснилось, что он уплыл на «Летучем Голландце», — растерянно протянула я.

— А это ему только предстоит.

Опять этот странный голос! Только теперь кажется, будто это говорят стены самой пещеры.

Я обернулась и увидела джентльмена, недавно посетившего мой сон и уведшего Ярослава на борт легендарного корабля-призрака. Скелеты почтительно, но без холопского подобострастия расступались перед ним, постукивая тазовыми костями.

— Кто вы? — излучая глазами ультрафиолет, спросила я.

Прежде чем он ответил, я уже знала, кем он не является. Однако то, что твой предполагаемый собеседник не подпадает ни под какой раздел классификации известной мне нежити, одновременно и успокаивало и настораживало.

— Я хранитель «Летучего Голландца». Моя задача — отыскать капитана, который встанет у штурвала этого корабля. Я нашел капитана.

Я покосилась на спящего Славку-капитана, все еще сомневаясь, действительно ли он мой сын. Потом посмотрела на Авдея и вздохнула:

— Это бред какой-то. Магик-психоз. Скелеты-матросы, «Летучий Голландец»... Ущипните меня, я проснусь, может быть.

— Мадам, вам ли быть в печали! — приветливо заклацал челюстью Григорий. — Прошу вас и вашего супруга до стола. Посидим, выпьем, закусим — и все будет светло и ясно, как в солярии моего далекого потомка Ленчика Паршевка!

— По-моему, невежливо отвергнуть приглашение этих славных парней, — рассудил конформист Авдей.

— Ай, спасибо! Вот уже двести лет никто не называл нас славными парнями!

И мы расселись за роскошным столом, стараясь шумливыми разговорами не разбудить будущего капитана «Летучего Голландца».

Прежде чем приступить к радушно предложенной трапезе, я на всякий случай протестировала пищу на предмет ее истинного состояния, чем вызвала в скелетах приступ гордой обиды:

— Мадам, вы нам не доверяете! Ваша профессия, конечно, наложила на вас отпечаток, как таможенник — свою лапу на контрабанду, но есть же пределы... Вы шо же думаете, нам угодно вас и вашего уважаемого супруга травить, как клопов в матрасе? — развыступался Константин, гордо выпячивая вперед похожие на шпангоуты ребра.

— Можете не сомневаться, все здесь свежее, натуральное и даже прошедшее санитарный контроль! — поддакнул вежливый скелет по имени Ашот Сурикян. — Ни в одном ихнем йогурте вы не найдете столько живых и полезных для организма культур, как, допустим, вот в этом нашем простом черноморском крабе!

Он указал на покоящегося в корзинке краба и предложил Авдею угоститься. Муж не заставил себя долго упрашивать: в отличие от меня, он был голоден и возжелал попробовать упомянутого краба. Краб, видимо, тоже желал. Цапнуть Авдея за протянутый палец. И краб свое желание удовлетворил.

Авдей замахал укушенным пальцем, стряхивая с него увлекшегося краба, и когда тот благополучно вернулся в свою корзинку, сказал:

— Да уж, чего-чего, а жизни в этом деликатесе действительно хватает! Здесь есть какая-нибудь менее агрессивная пища?

К тому моменту я чистила персик, уже разделавшись с двумя спелыми кистями винограда сорта розовый мускат.

— Кушай, дорогой! — Я протянула мужу половинку персика.

— И по-вашему, мадам, это пища для настоящего, полного сил мужчины, которому надо восполнять жизненные ресурсы своего великолепного организма? — прошепелявил скромно сидящий в углу стола скелетик со вставной челюстью и засаленной ермолкой на черепушке. — Мсье, послушайте старого рэбе: потребляйте кошерную пищу. Не угодно ли — курица с тертым сыром, колбаска...